

но не совсем разрешен и требует новых разысканий, вроде тех, которые I'. Замятин так успешно предпринял о связи русского театра начала XVIII в. с немецким);¹⁴ или обосновано ли предположение, что единственная комедия Грегори на светский сюжет (т. е. «Баязет и Тамерлан») могла бы не принадлежать перу мастера,¹⁵ хотя и Пролог несомненно имеет характерные особенности его творчества; или же какое-то было влияние христианских легенд и духовных песен в «Жалостной комедии об Адаме и Еве»?

Сквозь все эти различные произведения проглядывает пастор, ищущий свой путь. Начав с библейской драмы с более или менее значительной примесью комедии и даже фарса («Юдифь»), он переходит к исторической драме, в которой представлена борьба завоевателей («Баязет и Тамерлан»), и, наконец, доходит или, лучше сказать, возвышается до христианской мистерии, как будто за три последние года его жизни религиозное чувство все больше и больше отодвигало на задний план мирские заботы. Драматические произведения Грегори достойны обширного и углубленного изучения. А это изучение нельзя себе представить без дальнейших поисков документов в России и в Германии.

¹⁴ Известия АН СССР, 1933, № 10, стр. 769—804.

¹⁵ История русского театра, I, стр. 65 (статья В. Всеволодского-Гернгросса); В. Всеволодский-Гернгросс История русского театра, I, стр. 329, 338, 346; автор склонен считать Гибнер автором «Баязета и Тамерлана».